

1-й экз.

ОТЕЧЕСТВО

№ 7

ЦЕНА 10 К.
НА СТАНЦИЯХ
Ж.Д. 12 К.

ПРИВЯЗНОЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАРЬ ПЕРЕДЪ РАЗВѢДКОЙ.

ПЕТРОГРАДЪ

1915 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИЧЕСКАЯ

Р

(Перепечатка воспрещается).

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПСИХИКИ.

СТАТЬЯ П. Я. РЫССА.

СОВЕРШЕННО исключительный интерес представляют статьи нѣмецкихъ газетъ, посвященныя семимѣсячнымъ итогамъ войны. Интересъ этотъ характера психологическаго, т. к. главнымъ образомъ статьи трактуютъ о мыслимомъ и желаемомъ, отражая психологию различныхъ слоевъ общества.

Читая эти статьи, вновь переносишься въ недавнее прошлое, когда, живя въ Берлинѣ и внимательно слѣдя за германской общественной жизнью, нельзя было не видѣть сугубаго провинциализма политики и политическихъ людей имперіи. Лозунгъ страны со временъ Бисмарка—«мировая политика». Простой и добродушный солдатъ Каприви, щеголеватый въ одеждѣ и въ мысляхъ князь Бюловъ, прямолинейно-грубый Бетманнъ-Гольвегъ,—каждый по своему хотѣлъ вести мировую политику. Но не удалось это никому, ибо для Welt-politik прежде всего нуженъ былъ тотъ Weltmensch, который

могъ-бы направить ее въ надлежащую сторону и использовать во времени. Недаромъ такъ презрительно относился Бисмаркъ къ своимъ преемникамъ: мировой чловѣкъ не могъ быть высокаго мнѣнія о провинциальныхъ актерахъ политики, иногда удачливыхъ, но всегда самоувѣренныхъ. Эти люди многого не видятъ, хотя отлично примѣчаютъ имъ близкое и доступное. Вотъ почему они узки въ широкомъ—и широки въ узкомъ.

Какъ-то осенью 1912 г., въ то время, какъ балканскія событія грозили Европѣ страшными осложнениями, Deutsche Tageszeitung обронила мудрую сентенцію. «Держите глаза открытыми и пороховъ—сухимъ», писала газета, обращаясь къ нѣмцамъ. Болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и миръ могъ убѣдиться, что, если сухимъ былъ пороховъ,—закрытыми оказались глаза у руководителей германской политики. Провинциальные трагики рычали и потрясали кулаками,

(Перепечатка воспрещается).

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ. БИВАКЪ.

увѣренные, что такъ можно запугать Европу. Международныя обязательства оказались не клочками бумаги, а нарочитая брутальность не испугала никого. Тотъ человекъ, которому волею судьбы формально приходится стоять во главѣ статсъ-секретаріата по иностраннымъ дѣламъ, г. фонъ-Яговъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ провинціальной политикѣ. Въ свое время, при назначеніи фонъ-Ягова на высокій постъ, мнѣ пришлось рассказывать свои впечатлѣнія о германскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, съ которымъ—при различныхъ обстоятельствахъ—приходилось встрѣчаться въ Римѣ. Я писалъ тогда, что ф.-Яговъ «робкій, незнакомый съ большой и сложной политикой человекъ», карьера котораго протекала въ маленькихъ государствахъ, минуя Лондонъ, Парижъ, Петербургъ, Вѣну, Константинополь. «Онъ не видѣлъ и не знаетъ большой жизни и большой работы и потому въ фонъ-Яговѣ съ перваго-же взгляда вы отличите особый провинціализмъ». Умный и начитанный,—онъ провинціалъ, боится людей, чувствуетъ себя неловко въ большомъ обществѣ. «Онъ любитель книгъ и умныхъ разговоровъ. Въ головѣ его настоящіи складъ теорій. Но книжныя свои знанія онъ хранитъ, не умѣя ихъ использовать». Вотъ почему «для всѣхъ и всегда

онъ былъ провинціаломъ, умнымъ и знающимъ, но мѣшковатымъ и тяжеловѣснымъ». Онъ «не знаетъ, что дѣлается за кулисами; исполняетъ свои обязанности въ сознании величія, имъ творимаго. Признаетъ лишь дѣло, не думая о людяхъ». О людяхъ, направляющихъ политику европейскихъ государствъ, не думали дипломаты Германіи. Дѣлая свое дѣло, творя мировую политику, люди масштаба Бетманна и Ягова замкнулись въ себѣ, въ своихъ мысляхъ, въ своемъ провинціальномъ величіи. И это провинціальное величіе мировой политики Германіи привело къ тому, что могучая имперія потерпѣла дипломатическое поражение, оказалась изолированной, предоставленной собственной участи.

Быть можетъ, субъективно Германія и можетъ быть гордой, что она одинока и ведетъ борьбу чуть-ли не со всѣмъ міромъ. Она держитъ «порохъ сухимъ» и бьется отчаянно. Отличная организація войны—вотъ ея плюсъ. А минусъ—«закрытые глаза». Съ закрытыми глазами глядятъ въ будущее и органы печати. Оффиціозная «Kölnische Zeitung», анализируя событія истекшихъ семи мѣсяцевъ войны, повторяетъ всѣ тѣ нелѣпыя обвиненія противъ Россіи, Англии и Франціи, которыя опровергнуты документальными данными.

(Перепечатка воспринимается).

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ. ПЛѢННЫЕ ТУРКИ.

Англия-де основала общество G. m. b. H. («общество съ ограниченной отвѣтственностью») на предметъ уничтоженія невинной Германіи. Но вѣроломный Альбионъ ошибся: занята часть Франціи; земельное имущество этой части надобно оцѣнить въ 14 миллиардовъ франковъ. Покорена Бельгія, въ завислянской части Польши хозяйничаютъ нѣмецкія войска, подводныя лодки Германіи окружаютъ Великобританію и Ирландію. Перспективы? О нихъ не говорится. Даже такую сложную проблему, какъ недостатокъ зерновыхъ продуктовъ, газета рассматриваетъ съ точки зрѣнія того, что «мы не должны голодать». Слѣдуетъ захотѣть—и голода не будетъ,—только-то. Не надо думать о людяхъ, этомъ припадкѣ къ «міровой политикѣ». Вообще, надо меньше думать о будущемъ. И тогда Германія побѣдитъ. Вотъ она механика исторіи, бездушный процессъ развитія событій, внѣ зависимости отъ людей. Правда, въ отдѣлѣ фельетона нѣкій поэтъ призываетъ женщинъ къ героическимъ поступкамъ, и смыслъ высокопарныхъ виршей объясняется въ отдѣлѣ хроники, гдѣ сообщается о докладахъ разныхъ дамъ по поводу экономнаго потребленія хлѣба. Правда, что не всегда мудрая организація можетъ замѣнить хлѣбъ

и мясо, молоко и картофель. Ибо вспоминаю, какъ въ октябрь 1912 года тысячи женщинъ города Берлина громили мясныя лавки и избивали торговцевъ, подчасъ неповинныхъ во вздорожаніи цѣны на мясо.

И, когда философически-спокойныя газеты Берлина, Франкфурта, Кельна и Мюнхена съ паэосомъ провинціальныхъ трагиковъ кричатъ: «Голода не будетъ! Поменьше ѣшьте хлѣба!» я вспоминаю мясной бунтъ 1912 г. и думаю: въ состояніи-ли наилучшая организація подавить голодъ и любовь матерей къ голоднымъ дѣтямъ?

Weltpolitik германскихъ государственныхъ людей, очевидно, и теперь, черезъ семь мѣсяцевъ войны, творится сама собой, не считаясь съ людьми и ихъ потребностями. Теорія величія Германіи съ бумаги перенесена въ жизнь и проводится прямолинейно и механически, какъ та теорія механическаго процесса исторіи, что создана въ Германіи. Подтянетъ животь ремнемъ старый Іоганнъ. Картофельной бурдой будутъ наполнять желудокъ маленькаго Фрица. Фрау Минна обязана восхищаться мудростью исторіи, успѣхами Weltpolitik и несвареніемъ желудка своего ребенка. Ибо того хочетъ политика людей съ закрытыми глазами. Въ сознаніи величія, ими

(Перепечатка воспрещается)

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ. ТРУПЫ ТУРОКЪ ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ.

творимаго, маніаки міровой политики уже грозятъ Соединеннымъ Штатамъ. Зарвавшіеся провинціальныя трагики говорятъ съ великой заатлантической республикой дерзкимъ тономъ, и впереди всѣхъ шествуетъ офиціозная «Кельнская Газета». Поистинѣ Германія какъ-будто не видитъ ничего вокругъ. Закрываетъ глаза и мчится впередъ. Вѣрали это въ счастливую звѣзду своей исторіи? Или острое помѣшательство провинціальной знаменитости? Или, быть можетъ, нѣмцы дѣйствительно въ состояніи организовать мудрый голодъ, и во славу «міро-

На Кавказскомъ фронтѣ. Пожалованіе Георгія.

вой политики» Frau Миппа способна обречь на голодную смерть крохотныхъ ребятъ своихъ? Мы находимся въ области догадокъ. Что будетъ—увидимъ въ свое время. Одинъ лишь вопросъ можетъ занимать: дѣйствительно-ли германская государственность способна «организовать» и психику народа, превративъ послѣдніи въ бездушный автоматъ. Зюдекумъ со товарищи оказались психически - организованными. А Frau Миппа? А маленькій Фрицъ? Подавили ли и ихъ величіе провинціальныхъ актеровъ?

Петръ Рысвъ.

КАВКАЗСКІЕ СТИХИ.

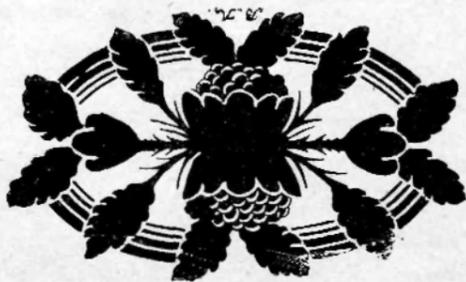
I.

ТИФЛИСЪ.

Люблю брести одинъ по улицѣ Тифлиса,
Гдѣ строгій обелискъ нѣмого кипариса
Темнѣетъ, недвижимъ, на бѣлизнѣ стѣны,
И въ знойную лазурь стремится столѣтій сны.
Но болѣе люблю пробраться понемногу
Изъ городскихъ тѣснинъ—на вольную дорогу,
Гдѣ встрѣчу буйволовъ, волочащихъ арбу,
Верблюдовъ порожнемъ—нестройную гурьбу—
И смуглыхъ путниковъ съ живой гортанной
рѣчью;

А, можетъ, ни одну мнѣ душу человѣчью
Судьба счастливая на встрѣчу не пошлетъ—
И вѣтеръ гулевой безпечный свой полетъ
Помчитъ на встрѣчу мнѣ межъ сѣрыми скалами
И—нѣжно-теплыми и полными волнами,
Всей роскошью садовъ—дыханьемъ миндаля
Повѣетъ на душу весенняя земля.

Юрій Верховскій.

II.

Лежалъ я—и не могъ уснуть,
Казалось, ночь нѣма глубоко;
А изнывающая грудь,
Томясь, вздыхаетъ одиноко.
Но вотъ—я слышу—недалеко,
Въ ночномъ просторѣ за стѣной—
Напѣвъ унылаго востока
Томится, одинокъ, со мной.

Юрій Верховскій.

БАТАРЕЯ ВЪ ЛѢСУ.

КОННЫЙ РАЗВѢДЧИКЪ БОРОДУЛИНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

ОПИВЪ чаю въ чистой половинѣ земской, я сидѣлъ въ кухнѣ на скамейкѣ, рядомъ съ молодымъ хозяиномъ и смотрѣлъ на ярко топившуюся русскую печь, возлѣ которой, со сковородникомъ въ рукахъ, проворно управлялась старуха.

Изъ подъ шестка выглядывала пестрая курица и нацѣливалась клюнуть безопасно ползущаго таракана, за которымъ блестящими глазами зорко слѣдилъ большой рыжий котъ.

Маленькій двухлѣтній Васенька невѣрными шагами бродилъ по кухнѣ. Онъ задѣлъ ногой за полѣно и упалъ на обѣ руки, а личико его плаксиво скривилось. Но вмѣсто того, чтобъ заплакать, онъ вдругъ улыбнулся и загыкалъ отъ удовольствия, увидѣвъ, какъ котъ ловко влѣпилъ пощечину курицѣ въ этотъ самый моментъ, когда та клюнула таракана.

— Гы-ы,—улыбался Васенька и, вытащивъ изъ

творника съ блиннымъ тѣстомъ разливалку, огрѣлъ ею по лбу рыжаго кота.

— Хо-хо! Ловко.. Воевать можешь...—сказалъ хозяинъ земской, его отецъ и, подхвативъ Васеньку на руки, сталъ съ нимъ играть. Васенька весь перегибался, тербилъ отца за усы, припрыгивая у него на колѣняхъ и улыбаясь своими ясными глазками.

— Ой, легче—легче... руку-то...—съ болью въ голосѣ сказалъ отецъ и спустилъ на полъ Васеньку.—Иди къ бабушкѣ...

— А что у тебя съ рукой?

— Да она у меня попорчена... На войнѣ..

— Развѣ ты солдатъ?

— Солдатъ... Только что вернулся. Трехъ степеней Георгій, четвертая медаль.

Я взглянулъ съ любопытствомъ на его заострившееся съ маленькими усами лицо, на бритый подбородокъ, на голубые, чуть прищуренные глаза и этотъ смирный молодой мужикъ показался мнѣ такимъ обыкновеннымъ, такимъ будничнымъ, сѣрымъ человѣкомъ. что у меня на мгновение мелькнула мысль — не простая-

(Перепечатка воспрещается).

Типы галиційскихъ крестьянъ

кустикъ, каждую балочку ощупываемъ, скрытаго неприя-
теля ищемъ, глядимъ: на отлетѣ домишко стоитъ. Мы
туда. Съ коней соскочили, вошли въ домъ: нѣмецкій
старикъ да старуха, да парнишка лѣтъ восьми — трясутся
возлѣ печки, лопочуть что-то, кланяются. А въ другую
комнату дверь затворена. Мы туда. Какъ отворили
дверь, а тамъ неприятели у окна съ винтовкой: при-
цѣлился, собака, да разъ въ грудь на вылетѣ нашего
товарища! Мы отъ двери прочь, подхватили товарища,
да на улку. „Сдавайся,—кричимъ,—нѣмецкая собака:
все одно убьемъ!..“ Онъ намъ не поотвѣтствовалъ. Ну
мы изъ за деревьевъ и начали въ домъ палить. Па-
троновъ двадцать извели, слышимъ: крикъ страшный
въ дому поднялся, плачь, ревъ, окно открылось, выбро-
силъ, вражий сынъ, винтовку. „Ну, ребята, идемъ,“
скомандовалъ я. Товарищъ нашъ ужъ кончился, по-
хрипѣлъ маленько, постоналъ, опосля навѣкъ затихъ.
Сняли мы шапки, перекрестились, его окстили: лежи,
моль, другъ, опочивай. Двинулись. Ну, знамо, съ
опаской начали подходить: не хитритъ-ли, думаемъ,
того гляди опять кого нибудь уложить. Однако вошли.
Глядимъ: старикъ со старухой на колѣни пали, ползуть
къ намъ, воютъ, а малецъ ихни, должно внукъ, без-
дыханнымъ трупомъ лежитъ... Въ лобъ ему пуля уго-
дила, видно рикошетомъ. Ну, такая тутъ жалость да

злота ко мнѣ подступила, ажъ сердце зашлось: потому
невинную душу понапрасно загубили изъ за дьявола.
А онъ, змѣй, руки вверхъ стоитъ, лопочеть по своему,
здаюсь моль...

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Въ это время вошелъ мой ямщикъ:

— Лошади, господинъ, поданы.

Солдатъ, съ Васенькой на рукахъ, вышелъ меня
проводить.

— Ну, а старикъ со старухой шибко убивались?—
спросилъ я, усаживаясь въ сани.

— У-у... Выли, я тебѣ скажу, прямо какъ волкъ
съ волчихой. Да какъ-же... До кого хоть доведись...

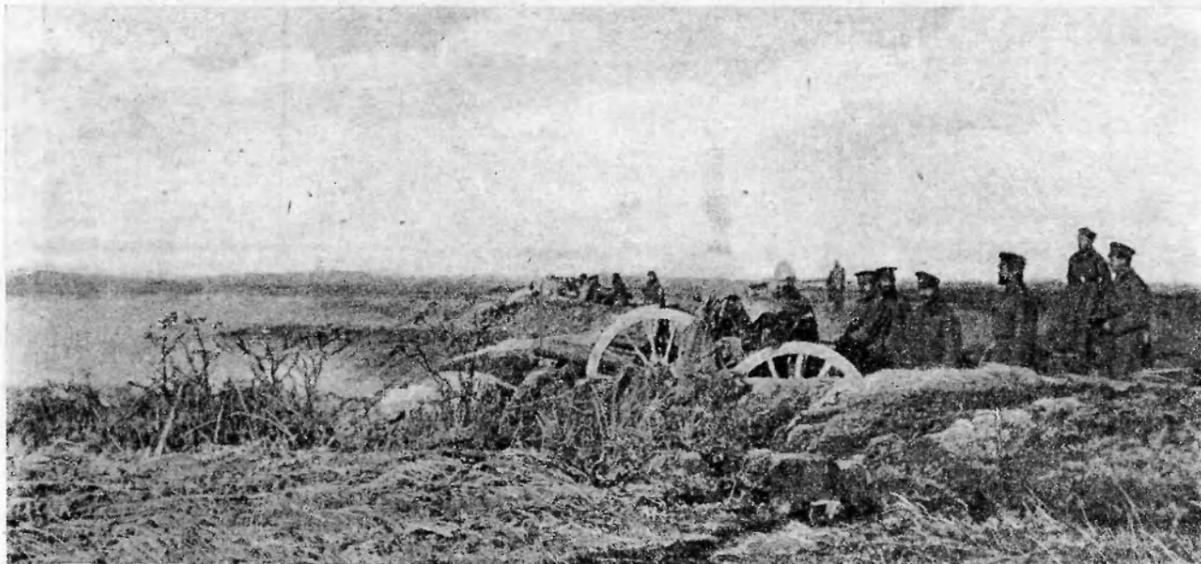
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Я простился. Лошади тронули и понесли по раз-
дольнымъ полямъ Сибири.

Вяч. Шишковъ.

Г. Томскъ.

(Перепечатка воспрещается).

Артиллерія въ дѣйстви.

Отъ Тильзита до Кракау.

II.

Закатъ погасъ. Вѣтеръ, луна, быстро летящая облака. Засеребрился прудъ. Мы вновь вышли на шоссе и вступили въ деревню Кракау. Резервы остались здѣсь. Впереди деревни верстахъ $1\frac{1}{2}$ —2 цѣпью расположатся наши позиціи.

Устроивъ резервы на ночлегъ, поздней ночью ѣду съ коннымъ вѣстовымъ установить ближайшіи подъѣзды къ нашимъ позиціямъ. Ѣдемъ сперва по шоссе, потомъ сворачиваемъ по отчетливому слѣду отъ прошедшихъ раньше орудій. Еще съ версту и мы на позиціяхъ.

Темные правильные полукруги окоповъ. Слабо блестиваетъ подъ луной сталь ушедшихъ въ свои земляныя гнѣзда орудій. Около нихъ подъ навѣсами изъ вѣтвей и соломы, глубокіе рвы для людей, зияющіе своей чернотой. Кажется, какой-то насмѣшливый могильщикъ нарылъ впродъ свѣжихъ могилъ, и онѣ, оскаливъ пасти, ждутъ своихъ неизвѣстныхъ гостей.

«Кто идетъ?».

«Свой»...

Спрашиваю, гдѣ офицеры. Одинъ дежуритъ на батарее. Прочіе ушли ужинать. Иду повидаться съ ними. На холмѣ высокіи красивый домъ, бѣлый въ лунныхъ потокахъ, сквозитъ сквозь раскидистыя деревья. Темныя окна,—домъ кажется мертвымъ и необитаемымъ.

Подъ деревьями, съ обратной непріятелю стороны вижу нѣсколько лошадей и группу вѣстовыхъ. Меня проводятъ внутрь. Миную темныя сѣни. Распахиваю дверь. Быстро прохожу полусвѣщенную огромную комнату. Это школа. Оплывающая свѣчка, прилѣпленная къ каедрѣ учителя, слабо озаряетъ отодвинутыя въ сторону парты и у стѣны пару черныхъ досокъ съ какими-то неоконченными арифметическими задачами. Въ глубинѣ черезъ пріоткрытую дверь падаетъ свѣтъ. Вхожу...

Большая ярко освѣщенная столовая нѣмецкаго педагога. Окна наскоро заколочены коврами. Длинный столъ, кипящій российский самоваръ, дымъ русскихъ папиросъ и знакомыя веселыя лица.

Никогда стаканъ горячаго чаю съ коньякомъ не казался мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ въ ту ночь въ двухъ верстахъ отъ непріятеля, въ этомъ странномъ живущемъ тайной ночной жизнью домѣ.

Черезъ 20 минутъ снова ѣду со своимъ коннымъ вѣстовымъ черезъ бѣлыя лунныя поля, теперь уже иначе, отмѣчая новый кратчайшии путь.

«Ваше благородіе!.. А ваше благородіе! Вы бы больше къ березкамъ, въ тѣнь, а то видно очень... Неравно подстрѣлять».

«То-то... къ березкамъ! Ничего милый, не подстрѣлять!».

Мой постоянный конный вѣстовой, случайно найденный мною въ батареѣ землякъ изъ моего уѣзда, существо толстое, съ красноватымъ носомъ, круглолицкое, похожъ не то на румянаго Силену, не то на Санхо Пансу. Чрезмѣрной отвагой онъ не обладаетъ, но въ меня сразу увѣровалъ, прицѣпился ко мнѣ и очень убѣжденъ, что разъ онъ со мной, то все въ общемъ благополучно и никакой нѣмецъ его тронуть не смѣетъ. Иногда онъ слегка причитаетъ, но это больше для виду. За мной онъ полѣзетъ куда угодно. Я же, въ своихъ частыхъ съ нимъ поѣздкахъ, люблю ѣздить неторопливо тамъ, гдѣ, я вижу, ему очень хочется проѣхать поскорѣе, и со вкусомъ читаю ему въ высококомъ стилѣ лекци «о любви къ отечеству и народной гордости», которыя онъ слушаетъ насупившись и моргая глазами.

У него есть много достоинствъ. Парень онъ оборотистый, хозяйственный. Въ карманахъ у него яблоки и спички, и моя лошадь оказывается чѣмъ-то накормленной при самыхъ невозможныхъ условіяхъ.

Возвращаюсь въ деревню къ заряднымъ ящикамъ. Ночую въ чистой нѣмецкой избѣ. Хорошая постель. Только перина куда то исчезла. вмѣсто нея принесли сѣна. Сверху кладутъ простыню. Раздѣваюсь какъ слѣдуетъ. Нѣсколько дальнихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Должно быть, балуются нѣмецкіе дозоры. Если не будетъ тревоги, будить не раньше половины седьмого. Засыпаю спокойно и сладко.

Деньщикъ пожалѣлъ, разбудилъ въ семь. Прежде всего, конечно, бриться. Это моя маленькая слабость. Моя голова острижена нашимъ батарейнымъ Фигаро подъ первый номеръ, и весь мой суровый, загорѣлый и запыленный видъ мало напоминаетъ того франтоватаго кавалера, который за нѣсколько дней до отъѣзда на войну гулялъ у себя на дачѣ въ бѣломъ спортивномъ костюмѣ съ широкимъ отложнымъ воротникомъ модной бѣлой рубашки и говорилъ комплименты очаровательнымъ дамамъ. Однако жъ я храню мой грифскій стиль, ношу крахмальные воротники (ради похода марка «Линоль»,—весьма остроумное изобрѣтеніе!) и упорно бреюсь каждый день, несмотря на удивленіе и улыбки окружающихъ. Бреюсь при всякихъ обстоятельствахъ и чѣмъ угодно. Холодной водою, молокомъ, чаемъ и даже кофе.

Еще не кончилъ правую щеку. Вбѣгаютъ вѣстовой и деньщикъ.

«Баринъ, баринъ! Еропланъ нѣмецкій. Гляди, бомбу бросить».

Въ четыре взмаха кончая правую щеку. Аэропланъ минуту подождетъ. Бомба бомбой, но неприлично умирать съ недобритой щекой. Стиль—великое дѣло.

Выбѣгаю съ биноклемъ на крыльцо.

«Всѣ по сараямъ. Не толпиться и не бѣгать!»

Дворъ, только что походившій на встревоженный муравейникъ, сразу пустѣетъ. Лошади еще съ ночи поставлены въ густомъ саду, зарядные ящики подтянуты ближе къ вѣтвистымъ деревьямъ вдоль ограды, чтобы не быть слишкомъ замѣтными сверху.—Насчетъ аэроплановъ предупреждали.

Гляжу кверху,—тамъ на ясномъ утреннемъ небѣ съ злобнымъ басистымъ и немного гнусавымъ гудѣніемъ носится черное крылатое чудовище, точно огромный шмель изъ Гофмановской сказки. Кружить, и уносится въ сторону, и внозь возвращается, чего то ищетъ, чего то выбираетъ.

Послѣ я успѣлъ привыкнуть къ этимъ германскимъ шмелямъ съ изогнутыми, какъ у коршуна крыльями, но всякій разъ охватывало меня при видѣ ихъ чувство какой-то злобной беспомощности. Что предпринять противъ этой проклятой машины, шныряющей въ высоту и кидющей бомбы. Что-то темное, шмелиное, нечеловѣческое просыпается въ душѣ. Хочется влѣзть самому въ высоту и впиться въ этого колдовскаго шмеля и грызть его и рыча отъ ярости свалить его внизъ. А вмѣсто того надо прятаться, если укрытіе близко, и застывать недвижно на мѣстѣ или даже ложиться, если оно далеко, чтобы быть какъ можно незамѣтнымъ, чтобы совсѣмъ слиться съ землей.

На этотъ разъ обошлось безъ бомбы. Шмелю не бросились въ глаза человѣческія группы, и онъ, покружившись, улетѣлъ.

Спѣшу умыться и пить чай. Изъ всѣхъ норъ вылѣзаютъ съ веселыми шутками солдаты.

Пью чай на крыльцѣ. Солдатики устроили мнѣ сюрпризъ. Еще съ ранняго утра подоили нѣмецкую корову, и я подбавляю въ чай густого кипяченнаго мѣлака.

Подѣзжаетъ кавалерійскій офицеръ съ нѣсколькими всадниками. Проситъ угостить папиромъ, два дня не курилъ. Снабжаю табачнымъ запасомъ. Пріятно видѣть, съ какимъ наслажденіемъ онъ дѣлаетъ затяжки. Даже глаза заблестѣли. Пою его чаемъ и попутно разспрашиваю объ обстановкѣ.

Между нами и нѣмцами глубокая рѣка съ подходящими къ ней вплотную лѣсами. Берега у нея илистые, топкіе. Нѣмцы опутали ихъ сѣтью колючихъ проволокъ, частью по верху, частью погрузивъ въ иль. Перейти вбродъ невозможно, наладить мостъ подъ огнемъ артиллеріи тоже. Есть на рѣкѣ желѣзнодорожный мостъ. Его ничего не стоило бы взорвать и нѣмцамъ и нашимъ. Но обѣ стороны берегутъ этотъ мостъ, какъ единственное средство переправы, которое ка-

НАЛЕТЪ «ЦЕППЕЛИНОВЪ» НА АНГЛІЮ.

(Перепечатка воспрещается).

Развалины двухъ домовъ въ Кингсѣ-Лайнѣ.

Здѣсь погибли женщина и ребенокъ.

ждый изъ противниковъ надѣется использовать при удачѣ для наступленія. Пока же—артиллерійскія дуэли да ночныя попытки перейти мостъ пѣхотой.

Кавалеристъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ стоялъ дня два у самаго моря. Разсказываетъ, какое глубокое волненіе охватило его, когда впервые сквозь лѣсную опушку засверкали подъ солнцемъ голубыя волны. Послѣ, черезъ три дня, оказавшись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, я, выполнивъ данное мнѣ порученіе, соблазнился и сдѣлалъ порядочный крюкъ, чтобы увидѣть море. И я пережилъ это волненіе, когда сквозь вѣтви уже подернутыхъ осеннимъ золотомъ буковъ блеснула и черезъ нѣсколько мгновений мощно возстала передо мной уходящая вдаль безкрайняя синеголубая ширь.

Я вспомнилъ тогда, какъ Ксенофонтъ въ своемъ «Анабазисѣ» описываетъ радость, охватившую грековъ, когда послѣ долгаго похода по враждебной странѣ они увидѣли море.

Человѣческія чувства неизмѣняемыми проходятъ черезъ вѣка.

Неразорвавшаяся зажигательная бомба, подобранная въ Кингсѣ-Лайнѣ.

Съ этого момента начинается новая, весьма занимательная фаза моей военной жизни.

Талатта! Талатта!

Слава тебѣ, то радостно голубое, то нахмуренно синее, то грязно свинцовое, многосмѣющееся море. Во всякое время, во всякой странѣ, своей или чужой, счастливъ тотъ, кому послѣ труднаго пути дано увидѣть твои плавно зыблемыя воды и услышать твой несмолкаемый, суровый, поющій о вѣчности гулъ.

Кавалеристъ простился, собирается уѣзжать.

Приносятъ конвертикъ съ приказомъ. Я назначенъ офицеромъ-ординарцемъ къ начальнику отряда. Со мною слѣдовать конному вѣстовому. «Грачевъ, сѣдлай». Беру моего круглоликаго Силена, даю ему саквояжъ съ необходимѣйшими вещами. ъдемъ быстро. Черезъ часъ я стою передъ генераломъ.

Сергій К.

БѢЖЕНЦЫ

НА УЛИЦАХЪ ВАРШАВЫ.

(Отъ нашего корреспондента).

ВМѢСТО сѣрыхъ шинелей съ бѣлыми гоньяками, вмѣсто длинныхъ линеекъ, съ ровными рядами прижавшихся другъ къ дружку, только что вышедшихъ изъ строя бойцовъ, на улицахъ Варшавы показались вереницы возовъ, нагруженныхъ до верху мѣшками, матрацами, подушками, поломанными столиками, дѣтскими кроватями. А надъ всѣмъ этимъ—какая-то безформенная, живая, копошащаяся масса: согнутые старики, сморщившаяся въ комокъ старушка въ парикахъ и цвѣтныхъ наколкахъ на головѣ—и дѣти, дѣти... Вozy, одинъ безобразнѣе и страшнѣе другого, вливаются въ улицы города по тѣмъ самымъ дорогамъ, по которымъ, обыкновенно, свѣжия войска проходятъ изъ Варшавы на позици. Рядомъ съ этимъ обозомъ и позади него шествуютъ толпы длиннопольхъ евреевъ въ кургузыхъ шапченкахъ, женщины съ грудными, дѣтьми...

Варшава имѣетъ огромное еврейское население. Улицы польской столицы сжились съ нарядомъ польскаго еврея. И теперь по этимъ улицамъ плетутся новыя тысячи евреевъ, на сей разъ изгнанниковъ, идущихъ вотъ уже трети день пѣшкомъ за десятки верстъ, оттуда... Лица усталыя, черныя; глаза потухше, ... Идутъ безъ конца. Сколько ихъ? Говорятъ, ихъ прибыло уже свыше двадцати тысячъ. Кое-кто прѣхалъ поѣздами. Это—тѣ, что не въ состоянн ходить или трястись на возу.

А у заставъ пѣшеходы. Слышатся отдѣльные стоны; кто-то жалобно причитываетъ, и голосъ его сливается съ воємъ вѣтра; матери умоляютъ дѣтей не плакать, прибавить шагу, не требовать такъ настойчиво хлѣба; кое-кто подталкиваетъ перегруженный возокъ, съ которымъ бѣдная кляча не въ состоянн справиться; и всѣ торопятся поскорѣе добраться до двора еврейской общины. На Вольскомъ шоссе, сбились въ груды тѣлъ, случилась катастрофа: обломалось колесо, и возокъ вотъ-вотъ разсыпется въ щепы, вмѣстѣ со всѣмъ живымъ и мергвымъ грузомъ. Вглядываюсь въ темную массу икренившася назадъ и книзу воза:

около десяти дѣтей двухъ-трехъ лѣтъ, укутанныхъ въ жалкое грязное тряпье. Окоченѣвшя, съ устремленными въ чернѣющее пространство глазами, сузившимися отъ холода. Вотъ двѣ дѣ, вочки, прикрытыя одною шалью; пять-шесть сгорбившихся женщинъ, пригнувшихъ головы къ самымъ колѣнамъ, безъ верхняго платья, одѣтыя въ ватныя куцыя безрукавки; два-три согнувшихся старика смотрятъ въ разныя стороны, чтобы не встрѣтиться взглядами, не говорить.. Это бѣженцы, ... изъ Жирардова, Вискитокъ, Мшонова и другихъ мѣстъ, ...

Бѣдняки стали нищими, богатые превратились въ бѣдняковъ. Спасали только жизнь. Почти всѣ шли пѣшкомъ. Нѣсколько стариковъ покончило счеты съ жизнью въ пути, не доѣзжая Варшавы. Одна мать принесла съ собою грудного ребенка, но въ Варшавѣ оказалось, что на рукахъ у нея трупикъ. Имущество, собранное годами, было покинуто на произволъ судьбы.

Спрашиваю еврея изъ Жирардова:

— Чѣмъ занимались?

— Имѣлъ лавчонку.. Продавалъ мѣшокъ муки, снова покупалъ, опять продавалъ..

— Что же, захватили съ собой вашу «товарь»?

— Нѣтъ, продалъ.. Было товару на 21 рубль, отдалъ сосѣду-поляку за 8 рублей..

И такая «ликвидация» дѣла удалась только немногимъ счастливымъ. Подавляющее большинство не нашло для своего товара покупателей. Все было покинуто. . . . .

Но самое «интересное» зрѣлище можно было наблюдать на дворѣ еврейской общины. Внѣшнн видъ—большой постоянный дворъ ярмарки. Вozy въѣзжаютъ и выѣзжаютъ; переносятъ на плечахъ тяжести; здѣсь нагружаютъ огромный возъ, а тамъ идетъ разгрузка. Снимаютъ примерзшихъ людей, которые не въ состоянн двигаться, раззываютъ подушки, скатываютъ «мебель». А вотъ ведутъ цѣлую семью, чтобы отправить ее въ приютъ для бездомныхъ. Они уже всѣ обогрѣлись, ихъ накормили. Черезъ часъ они получаютъ мѣсто въ приютѣ и подъ № 627 или № 1627 начнутъ новую жизнь—жизнь бездомныхъ. . . . .

Варшава, Январь.

Вл. Ильичъ.

Война въ творчествѣ Франциско де Гойа.

СРЕДИ мастеровъ, отобразившихъ въ своихъ творенияхъ стихийные облики войны, ея паѳосъ и панику, героизмъ и жестокость, Гойа занимаетъ особое мѣсто. Вообще художественная натура Гойа, этого крестьянскаго парня изъ Аррагона, ставшаго «первымъ живописцемъ короля» и самымъ яркимъ представителемъ своей нации и эпохи, является намъ въ аспектѣ своеобразнаго внутренняго раздвоения. Въ нашемъ

«средневѣковой душѣ испанца 18-го вѣка, всѣ чудовища, вызванныя сномъ разума», свои кошмары—но и свои восторги онъ выразилъ въ длинномъ рядѣ графическихъ произведений, офортовъ, акватинтъ и, въ концѣ жизни, литографий. Такъ въ 1797 году, переживъ тяжелую болѣзнь и не менѣе тяжелый нравственный кризисъ, онъ публикуетъ первый циклъ своихъ офортовъ, знаменитые «Капризы»—

КАРТИНА ХУДОЖНИКА ФР. ДЕ ГОЙА.

(Перепечатка встречается).

NO SE PUEDE MIRAR.

представленіи мощный и живописный образъ авантюриста, Донъ-Жуана и бреттера, картинно драпирующагося въ яркій плащъ матадора-любителя, съ трудомъ согласуется съ тѣмъ призракомъ болѣзненнаго фантаста, одержимаго трагическими наводнениями, который глядитъ на насъ со страницъ графическихъ цикловъ Гойа. Творчество Гойа дѣйствительно распадается на двѣ раздѣльныя стихіи; Гойа—жизнерадостный реалистъ, красочникъ и декораторъ пышно воплотился въ своемъ живописномъ творчествѣ—особенно въ портретахъ и картинахъ для гобленовъ; свой сокровенный внутренній міръ, все то, что затаено было подъ порогомъ сознания въ суевѣрной

«Caprichos»: это рядъ фантастическихъ видѣній, пароксизмовъ гениальнаго бреда, чередующихся съ измышлениями прозорливой и безпощадной сатиры. «Капризы»—исповѣдь художника: освободившись отъ гнета томившихъ его переживаній, Гойа на долгіе годы вовсе отказывается отъ гравюры. Лишь одиннадцать лѣтъ спустя, ожесточенная борьба поднявшейся испанской нации противъ нашествія наполеоновской арміи вновь пробудила въ немъ графика.

Наряду съ двумя замѣчательными холстами: «Уличный бой въ Мадридѣ 2-го мая 1808 года» и «Разстрѣлъ уличныхъ бойцовъ 2-го мая 1808 года», въ которыхъ громадное драма-

тическое напряжение и стремительность движения сочетались съ мрачной интенсивностью красокъ, появляется второй циклъ офортовъ Гойа; «Роковыя послѣдствія войны», болѣе извѣстный подъ названіемъ, «Los desastres de la guerra»,— названіемъ, свидѣтельствующимъ объ ошутимой для всѣхъ аналогии этого цикла съ «Бѣдствіями Войны», лотарингскаго мастера 17-го вѣка, Жака Калло.

Можно ли смотрѣть на этотъ леденящій ужасомъ циклъ Гойа, какъ на «исповѣданіе вѣры», какъ на выраженіе его политическихъ и патриотическихъ взглядовъ? Какъ на страстный протестъ противъ насилия чужеземца-завоевателя? Лишь отчасти. Этому крестьянскому сыну было свойственно без- условное, почти религиозное, преклоченіе передъ всякой

властью, будь то Бурбоны и ихъ ставленники или Наполеонъ Создатель потрясающаго «Разстрѣла» соглашается войти въ составъ комисси, предназначенной выбрать для Лувра лучшія сокровища испанскихъ музеевъ. Къ тому же, передъ грознымъ лицомъ войны, дуелистъ и тореадоръ не могъ явиться идеологомъ гуманности.

.....
.....
.....
.....
.....

А. Л—нѣ.

СЪ ВОЙНЫ. ПИСЬМА УЧАСТНИКОВЪ.

ЗДРАВСТВУЙ! Это я, Г..., который продолжаетъ существовать. Обитаю по-прежнему въ Восточной Пруссіи, все въ той же нѣмецкой халупѣ, съ пробитыми пулей стеклами. Наша стоянка здѣсь стала неожиданно долгой. Нѣмцы сильно укрѣпились за рѣкою, а зимнее время и снѣгъ мѣшаютъ рѣшительнымъ передвиженіямъ. Война здѣсь стала позиционной. Впрочемъ, въ послѣднее время началось оживленіе. На праздникахъ было совсѣмъ затишье. Были дни, когда орудія вовсе молчали. Нѣмцы въ одномъ изъ сосѣднихъ отрядовъ выкинули гнуснѣйшую низость, которая окончательно убѣдила меня въ совершенномъ отсутствіи у нихъ всякой воинской порядочности. Въ первый день праздника подошли они къ рѣкѣ (человѣкъ 15 съ офицеромъ), махая бѣлымъ платкомъ, безъ оружія. Къ другому берегу подошли наши. Нѣмцы стали поздравлять, говорить любезности . . . . .

.....
.....
.....
.....

. . . На нашихъ тамъ набросились, схватили и увели въ плѣнъ. Какая низость! Ни малѣйшей тѣни джентльменства, которое обязательно у воина черезъ все, черезъ вражду, черезъ бой, черезъ кровь. Наши пришли въ ужасную ярость.

Теперь всякія галантерейности кончились, и опять пошли разговоры исключительно орудійные, ружейные и пулеметные. Какъ то подбили ихъ аэропланъ. Онъ свалился на нѣмецкую зону. Къ нему сбѣжались со всѣхъ сторонъ нѣмцы,—конные и пѣше, и на автомобиляхъ примчались. А наша артиллерія какъ начала шпарить это сборище,—половина разлетѣлась, половина осталась на мѣстѣ.

.....
.....
.....
.....

Какъ то «сняли» двухъ нѣмецкихъ дозорныхъ и приволокли живьемъ. У нѣмцевъ нашли занятныя неотправленныя еще письма на родину. Рассказываютъ, какъ ихъ фельдфебель объявлялъ имъ о взятіи Парижа. Очень ругаютъ своихъ офицеровъ.

Вчера наши продвинулись впередъ и заняли у нѣмцевъ одну очень важную деревню. Жаль, что п . . . успѣли таки ее минировать. За 1/2 сутокъ уже два фугаса взорвалось, нѣсколько человѣкъ пострадало.

Я пока что здоровъ, ...

Обнимаю тебя нѣжно и дружески.

Любящій тебя Г.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:
П. Я. Рыссъ. Организациа психики. Статя. ♦ Ю. Верховскій. Кавказскіе стихи. ♦ Вяч. Шишковъ. Конный развѣдчикъ Бородулинъ. Разказъ. ♦ Сергѣй К. Отъ Тильзита до Кракау. ♦ Вл. Ильичъ. На улицахъ Варшавы. ♦ А. Л—нѣ. Война въ творчествѣ Фр. де Гойа. ♦ Съ войны. ♦ Рисунки: М. Соломоновъ. Бѣженцы.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ОТЕЧЕСТВО

ВЫХОДИТЬ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событиями мировой жизни и даетъ имъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной лѣтописью НАРОДНОЙ ВОИНЫ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Ралаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтисъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, Влад. Гиппиусъ, Г. Гребеншиковъ, Н. С. Гумилевъ, Б. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Дымовъ, Н. Н. Евреиновъ, И. В. Жилкинъ, Б. К. Зайцевъ, Е. И. Замятинъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Игорь-Сѣверянинъ, А. Измайловъ, Д. Н. Крачковскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. И. Купринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Пететцъ, О. М. Персицъ, проф. Б. Перст, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рысст, Федоръ Сологубъ, В. В. Станкевичъ, Ив. Странникъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Н. Д. Телешовъ, М. Толмачева, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Тэффи, А. Чаныгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, П. Е. Шеголевъ, А. М. Федоровъ и др.

Въ журналѣ „ОТЕЧЕСТВО“ примутъ участіе М. Барресъ, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.
Редакторъ-Издатель **З. И. ГРЖЕБИНЪ**.

Въ отдѣльной продажѣ **10** коп. номеръ.

На станціяхъ жел. дорогъ—**12** к.

ПРОВБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА **15** коп. МАРКАМИ

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій 55

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ. «ОТЕЧЕСТВО».

Книгоиздательство „ОТЕЧЕСТВО“.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

КОРОЛЬ, ЗАКОНЪ И СВОБОДА.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

цѣна **75** коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(О Еврейскомъ Вопросѣ).

цѣна **20** коп.

Вся выручка поступаетъ въ „Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны“.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ВОЙНА.

СТИХИ.

цѣна **40** коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУХИ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

цѣна **40** коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СТИХИ О РОССИИ.

цѣна **40** коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

Война въ цифрахъ.

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.

Сост. **М. Р. Марковичъ.**

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность арміи.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславлив. исходъ войнъ.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и материальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

цѣна **50** коп.

А. ГРИНЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ИСТОРІИ.

цѣна **1** руб.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОНРАВОВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

цѣна **1** руб.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ГОТОВИТСЯ
КЪ ПЕЧАТИ

М. Горькій, СКАЗКИ. ИЛЛЮСТР. Худ. И. Бродскаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИЧЕСКАЯ

Отъ Московскаго Городскаго Головы и Гласныхъ Московской Городской Думы.

Съ давнихъ временъ держится обычай въ дни большихъ всенародныхъ праздниковъ приносить поздравленія своимъ роднымъ, близкимъ и знакомымъ.

Съ осложненіемъ отношеній, связывающихъ Общество, постепенно мѣняется характеръ поздравленія и нѣсколько утрачивается прежнее его значеніе. Кратковременный минутный визитъ занялъ мѣсто задушевной бесѣды; поздравительныя телеграммы, визитныя карточки устранили непосредственное общеніе. Сухая форма постепенно заслоняетъ живое содержаніе поздравленія и вмѣстѣ съ этимъ мѣняется и наше отношеніе къ нему.

Формальная обязанность принесенія поздравленія всѣмъ нашимъ знакомымъ, всѣмъ лицамъ, съ которыми связываютъ насъ служебныя отношенія, дѣла общественныя, связи коммерческія, налагаетъ въ праздничные дни не только на насъ, но и на служебный персоналъ телеграфа и почтоваго вѣдомства колоссальную работу и вовлекаетъ всѣхъ насъ въ весьма значительные расходы.

Особенно теперь не время увлекаться условными формами, когда живое дѣло, живыя заботы настойчиво привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе.

Наступаютъ дни воспоминаній о великихъ страстяхъ Господа Нашего, о Свѣтломъ днѣ Воскресенія Христова—днѣ обновленія всего человѣчества. Въ эти дни, братья наши, воины русскіе, отстаиваютъ честь и достоинство русской державы. Свое здоровье и жизнь они приносятъ въ жертву грядущему обновленію жизни не только Россіи, но и всего славянства.

Къ нимъ, далекимъ братьямъ, прежде всего должна быть прикована наша мысль въ грядущіе дни Свѣтлаго праздника Христова Воскресенія, съ ними первыми нужно установить общеніе въ эти дни, они раньше другихъ должны получить красное яичко отъ населенія Москвы.

Московскій Городской Голова и слѣдующія лица изъ состава Московской Городской Думы въ настоящемъ году отказываются отъ праздничныхъ визитовъ и разсылки карточекъ и всѣ обычныя на этотъ предметъ расходы обращаютъ на подарки воинамъ русскимъ къ дню праздника Святой Пасхи.

ГРАЖДАНЕ МОСКОВСКІЕ ПРИЗЫВАЮТСЯ ПОСЛѢДОВАТЬ ЭТОМУ ПРИМѢРУ.

М. В. Челноковъ, Г. А. Абрикосовъ, Ф. А. Александровъ, А. Д. Алферовъ, Э. И. Альбрехтъ, А. К. Андреевъ, И. Н. Апофріевъ, О. А. Анохинъ, К. К. Арно, В. И. Астровъ, Н. И. Астровъ, С. К. Баевъ, А. А. Бахрушинъ, К. П. Бахрушинъ, С. В. Бахрушинъ, С. Е. Березовскій, П. Г. Богомоловъ, М. Н. Бостанжогло, А. Ф. Бочаровъ, П. С. Братановскій, В. Д. Брянскій, С. А. Булочкинъ, П. А. Бурышкинъ, И. Е. Бѣлишевъ, И. И. Вавиловъ, В. П. Верхоланцевъ, С. М. Видоновъ, А. И. Виноградовъ, прот. Н. С. Виноградовъ, Н. П. Вишняковъ, Г. В. Войновъ, Ф. Ф. Воскресенскій, Б. Д. Востряковъ, А. И. Геннертъ, В. П. Глики, Н. В. Глоба, кн. М. В. Голицынъ, Д. Е. Гороховъ, И. П. Гурьевъ, Н. И. Гучковъ, Н. И. Дербеневъ, П. Н. Діатроптовъ, Д. Д. Дувакинъ, А. А. Дурилинъ, Н. Я. Евдокимовъ, К. М. Жемочкинъ, В. А. Жерядинъ, М. С. Зерновъ, Н. Н. Зиминъ, П. Г. Зыковъ, П. И. Ивановъ, С. Д. Ижболдинъ, Н. Л. Казецкій, Н. М. Кандыринъ, М. И. Карякинъ, Л. Л. Катуаръ, Н. Т. Каштановъ, Р. И. Клейнъ, М. М. Кожевниковъ, И. Н. Кондрашевъ, Т. С. Королевъ, П. А. Котовъ, Н. А. Крестовниковъ, Н. Д. Крестовниковъ, кн. А. С. Кропоткинъ, И. С. Кудрявцевъ, Ф. Т. Кудрявцевъ, Г. М. Кузнецовъ, Н. Н. Кузнецовъ, А. Г. Листъ, В. Н. Литвиновъ, С. А. Лузинъ, Ф. А. Лузинъ, К. К. Мазингъ, В. Ф. Малининъ, С. Н. Мамонтовъ, І. Б. Месснеръ, А. А. Найденовъ, Я. Я. Никитинскій, М. М. Новиковъ, А. Ф. Нырковъ, В. И. Оловянишниковъ, А. П. Осиповъ, С. И. Печкинъ, А. В. Платовъ, А. М. Полянскій, С. А. Поповъ, В. В. Пржевальскій, П. А. Птицынъ, И. А. Пуговкинъ, Г. А. Пузыревскій, С. В. Пучковъ, П. А. Работкинъ, А. Н. Реформатскій, В. А. Рыженковъ, М. В. Сабашниковъ, М. Т. Соловьевъ, П. Т. Соловьевъ, А. И. Съдовъ, А. А. Титовъ, Ф. А. Тихоміровъ, В. А. Труфановъ, Л. Г. Урусовъ, В. В. Усачевъ, М. Г. Холмогоровъ, А. М. Чудаковъ, Н. А. Шаминъ, А. И. Шамшинъ, Н. П. Шемшуринъ, В. В. Шервудъ, А. С. Шмаковъ, Н. Н. Шустовъ, Н. В. Щенковъ, А. В. Щуренковъ, К. Д. Языковъ, кн. Г. Д. Волконскій, А. Г. Рѣщиковъ и Д. Ф. Суворовъ.